

Наталья Азарова

Задачи перевода со скандинавских языков

Иннокентий Анненский в 1909 году в статье «О современном лиризме» остроумно замечает: «потому что смешно же, в самом деле, проектировать в будущем какой-то гиератизм стилей, с академией в Чебоксарах». В 2016 году мысль о том, что Чебоксары, город с 400 000 населением, может быть одной из значимых составляющих современной литературной карты, уже не кажется анекдотической.

Дмитрий Воробьев, переводчик с норвежского и шведского, лауреат премии А. Белого этого года, это не случайная фигура одиночки: в Чебоксарах успешно работают издатели Игорь Улангин, Микаэль Ньюдаль, современная поэзия переводится не только на русский, но и на чувашский (Иосиф Дмитриев), Алеша Прокопьев проводит фестивали, в которых неизменно существует секция перевода. Здесь можно выделить два основных момента.

Первое – удивительная для нашего эйджистского времени преемственность поколений: традиция, начатая Геннадием Айги, продолжается Прокопьевым и далее успешно подхватывается Воробьевым.

Второе – связи в современном культурном пространстве способны пролегать, минуя столицы. Если мысленно прочертить линию из Швеции в Чебоксары, то ни Москва, ни Петербург не окажутся на этой траектории. Внимание именно к шведской поэзии чебоксарскому поэту-переводчику тоже досталось в наследство от Айги, близкого друга Тумаса Транстремера. Айги же был инициатором проведения регулярных фестивалей «Скандинавия – Поволжье». Я помню, что в наших разговорах с Айги незадолго до его смерти именно эта тема – связь Скандинавии и Поволжья – была одной из постоянно всплывающих. Сегодня география взаимодействия представляется следующим образом: Д. Воробьев переводит значимых скандинавских

авторов, они издаются в Чебоксарах на русском языке, а затем уже эти книги появляются в Москве и Петербурге.

Воробьева хочется похвалить не только за безусловную точность перевода, но и за перевод как идеологию. Перевод всегда идеологичен не только потому, что переводчик субъективирует себя в чужом прошлом, выступая особенно в поэтическом переводе как гетероним автора, но и прежде всего потому, что он выбирает, что именно переводить. Если раньше эту идеологическую функцию в основном выполняло издательство, дававшее заказ на перевод, то теперь идеологом выступает сам переводчик, выбирающий одни тексты и отметающий другие. В этом смысле выбор повести Кристиана Лундберга «Ярден» представляет собой удивительный пример поэтического чутья переводчика.

Кристиан Лундберг, швед из рабочей семьи, сын сумасшедшей матери, аутодидакт, уже будучи профессиональным поэтом, зарабатывающим на жизнь написанием бесчисленных детективов, попадает в центр громкого литературного скандала, написав рецензию на несуществующую книгу. В результате он оказывается полностью без средств к существованию и вынужден встать на биржу труда. Ему нужно прокормить ребенка, в итоге он превращается в раба агенства, продающего чернорабочих на время, и больше года работает на поденных работах, занимаясь тяжелым физическим трудом вместе с эмигрантами. Он ведет дневник, легший в основу повести «Ярден».

Автор, которого можно расценивать как представителя новой рабочей литературы и за ним переводчик попадают в тренд и тут же выпадают из тренда. Выбор прозы с левой проблематикой может показаться данью моде и расчетом на интеллектуальную публику с ее характерным запросом на рабочую тему. Но в то же время история уникальна и своим форматом, и тем, что она имела место *на самом деле*. Успех Воробьева-идеолога не только в выборе текста, но и в том, что, переводя непростые описания психологии физического труда, он не впадает в упрощение, карнавал, не заигрывает с демократичностью языка (ни автор, ни переводчик не заигрывают и с

эмигрантской темой), но при помощи едва заметных грамматических, синтаксических сдвигов делает возможным предъявление иного способа говорения и иной субъективации.

Удивительно и то, что уже в 2005 году Воробьев перевел и опубликовал стихи Лундберга – в то время его стихи были переведены только на норвежский и русский, а события, разворачивающиеся в повести «Ярден», принесшей ему всемирную известность, происходили в 2009 году, и это можно считать безусловной демонстрацией интуиции переводчика.